

Щелк.

Дверь отворилась. Шэнь Юй осторожно поставил обувь на полку и, опустив голову, вошел в прихожую. В погруженной в сумерки гостиной, где еще не включили свет, было прохладно. Желая поскорее уйти, Шэнь Юй крепко сжал лямки рюкзака и направился вглубь квартиры.

В гостиной шла трансляция какого-то соревнования, оттуда доносилась английская речь:

— Congratulations to Su Xiaofu winning the gold medal at the Yiu Hall of Fame Piano Competition in the United States.

Поздравляем Су Сяо с завоеванием золотой медали на престижном американском конкурсе пианистов Yiu Hall of Fame.

— Congratulations.

Поздравляем.

Сидевший в гостиной мужчина с газетой и зажатой между пальцами сигаретой слушал репортаж о награждении, его взгляд был мрачен и глубок.

Услышав звук открывающейся двери, он скосил глаза и увидел Шэнь Юя: весь в поте, от него исходил неприятный запах. Мужчина невольно поморщился, и голос его стал тяжелым и злым:

— И где тебя носило? Каждый день после уроков околачиваешься где попало, приперся весь вонючий. Ты что, хочешь отравить всю семью? От одного вида тебя тошнит.

Шэнь Юй ничего не ответил. Впившись ногтями в ладони, он лишь продолжал смотреть под ноги и шел прямо к своей комнате.

Шэнь Цзяньхуа, проигнорированный пасынком, опустил ногу на ногу:

— Шэнь Юй! Ты что, онемел? Отец к тебе обращается, живо встань по стойке смирно!

— Шэнь Юй!

— Ты, мать твою, совсем от рук отбился, а?

Получив плевков в душу, Шэнь Цзяньхуа вскочил на ноги и принялся орать на захлопнувшуюся перед его носом дверь:

— Шэнь Юй!!

Однако ответом ему был лишь звук затворяющейся двери.

Шэнь Юй тихо притворил дверь и снял рюкзак, повесив его на угол стола.

На столе были аккуратно разложены учебные принадлежности и книги. Опустив взгляд, он посмотрел на стоявшую в самом центре стола семейную фотографию — трое людей на снимке улыбались лучезарными улыбками.

Особенно женщина слева: в белом платье, прижимающаяся к парню посередине, она была невыразимо прекрасна.

Шэнь Юй протянул руку и провел пальцем по холодному стеклу фоторамки, опуская веки.

Когда же она вернется?

Чжан Ваньжань вышла из кухни с тарелкой еды в руках, бросив взгляд на плотно закрытую дверь и нахмуренные брови мужа.

Поставив блюдо на обеденный стол, она вытерла тыльную сторону ладони о салфетку и мягко попыталась сгладить углы:

— Ну ладно тебе, мальчик уже взрослый, хватит придирааться. Иди мой руки, садись за стол, а я пойду позову его.

— Не нужно его звать, — сурово бросил Шэнь Цзяньхуа. — Захочет — поест, от того, что пропустит один ужин, с голоду не помрет.

Но Чжан Ваньжань лишь кротно улыбнулась, пропуская его слова мимо ушей. Подойдя к двери комнаты, она постучала и максимально угодливым голосом произнесла:

— Сяо Юй, выходи ужинать, ну хватит дуться на отца.

— Сяо Юй, вредно не ужинать, так и желудок посадить можно.

— Сяо Юй...

...

Никто не ответил. Этот раболепный, заискивающий тон еще сильнее растревожил и без того кипящую злостью грудь Шэнь Цзяньхуа, гнев вновь подступил к горлу.

Его брови сошлись на переносице, и он повысил голос:

— Вернись! Оставь его в покое, вечно он вытворяет Бог весть что, теперь еще и нос задирает. Не хочет есть — пусть у него хватит ума и завтра ничего не брать в рот.

Чжан Ваньжань посмотрела на деревянную дверь, в ее глазах мелькнуло торжество, но на лицо она напустила преувеличенное смущение. Вернувшись к обеденному столу, она взяла половник и стала накладывать мужу еду, продолжая изображать беспокойство:

— Ну как ты можешь быть таким отцом? Оставь ему порцию, я потом сама отнесу. Нельзя ложиться спать на голодный желудок, это вредно для желудка. Мальчик ведь еще мал, в самом соку, растет еще.

— Мал? — Шэнь Цзяньхуа взял протянутую миску с рисом и холодно фыркнул. — Лоб уже совершеннолетний, а целыми днями шляется неизвестно где, в голове ветер, да все норовит, как его матушка, пристроиться к теплomu местечку да взлезть повыше. Нет уж, мне в доме этакое великое божество не нужно.

— Ой, перестань, хватит уже, — Чжан Ваньжань подцепила палочками побеги бамбука с тарелки и легонько толкнула мужа в плечо.

Шэнь Цзяньхуа помешивал палочками еду, тон его не менялся. Уставившись на дверь в самом конце коридора, он громко произнес:

— Учится спустя рукава! Как закончит университет — пусть валит на все четыре стороны, куда захочет, только бы не мельтешил у меня перед глазами, от одного вида воротит.

услышав это, Чжан Ваньжань тут же вставила слово:

— Да как же так можно? Такое огромное семейное дело, после окончания учебы в любом случае нужно пристроить Сяо Юя в компанию, пусть набирается опыта, ведь в будущем ему же...

— В будущем что? — брови Шэнь Цзяньхуа взлетели вверх, образовав залом, а глубоко посаженные глаза резко подчеркнули выдающиеся скулы.

Он оборвал ее на полуслове суровым окриком:

— Пусть даже и не мечтает! Компании ему не видать. Пойдет он побирушкой или пойдет с

протянутой рукой — меня это больше ни на йоту не касается.

Чжан Ваньжань больше не стала возражать. Она молча подкладывала ему еду, давая возможность выпустить пар, а в конце лишь послушно поддакнула пару раз, угодливо и великодушно пытаясь его успокоить.

Наконец, выпустив пар, Шэнь Цзяньхуа заговорил прежним хриплым голосом. Повернувшись к жене, он произнес:

— Кстати, Сяожань ведь давно хотела то пианино? Не такое уж дорогое, всего несколько десятков тысяч. Как закончится турнир, поедem с ней в музыкальный магазин, выберет — я ей куплю.

Глаза Чжан Ваньжань засияли, радость было просто невозможно скрыть, и она принялась торопливо благодарить мужа.

Сидя в своей комнате в полном одиночестве, Шэнь Юй услышал про покупку инструмента. Его рука сжалась в кулак, а затем разжалась.

Он прекрасно слышал, как его звали. Просто ему отчаянно не хотелось крутиться перед ней. Раньше он тоже наивно верил, что Чжан Ваньжань добрая.

Лишь после череды подстроенных ловушек и притворных слез он наконец разглядел ее истинное лицо.

Лицо гуаньинь, сердце ядовитой змеи — разве не про таких говорят?

Все эти годы его тошнило от нее до жути. При любой возможности он старался избегать эту женщину, а если не получалось — просто притворялся немым. В этом доме он чувствовал себя загнанной в ловушку птицей, вынужденной ежедневно носить маску и общаться с этими фальшивыми людьми. Бесконечное словесное насилие истощило его тело и душу.

Шэнь Юй посидел неподвижно еще немного, и лишь когда шум в гостиной полностью стих, собрал смену одежды и отправился в ванной.

Сняв очки, он встал под прохладные струи воды, хлынувшие сверху. Она смывала липкий пот и накопившуюся усталость.

Шэнь Юй яростно растер лицо обеими руками, откинув назад длинную густую челку. Стоило ей раздвинуться, как миру явилось ослепительно прекрасное лицо.

Это была внешность невероятной ударной силы: под правильным овалом лица скрывались

брови дугой, похожие на весенние ивы, и манящие, чарующие персиковые глаза.

Каждая черта была безупречна, излучая смертоносное искушение.

Особенно родинка цвета киновари чуть ниже переносицы, возле самого уголка глаза — она словно капля румян, поставленная кистью мастера, не позволяла отвести взгляд. Подобно розе, скрытой под зарослями сорной травы, лишь аккуратно раздвинув внешнюю оболочку можно было обнаружить истинную, потрясающую воображение красоту.

Освежившись и смыв с себя всю усталость, Шэнь Юй вернулся в комнату. Отодвинув веревки с развешанными фотографиями, он забрался обратно в постель. Это тесное и мрачное пространство дарило ему покой, только здесь он мог по-настоящему расслабиться.

Открыв большой железный ящик в правой части письменного стола, он достал ластик, хранивший в себе запах Цзян Чжана, и, поднеся его к самому носу, прищурившись, глубоко вдохнул.

В жестянке лежало множество вещей, которыми пользовался Цзян Чжань: исписанные гелевые ручки, пустые бутылки из-под минеральной воды, салфетки, которыми он вытирал пот, — Шэнь Юй подбирал и бережно хранил даже обрывки черновиков.

Только почувствовав себя полностью удовлетворенным, он забрался под одеяло, взял лежавший на кровати фотоаппарат. Вспомнив запечатленный днем кадр, он немного засуетился.

С благоговейным и нетерпеливым трепетом его пальцы принялись настраивать технику, пролистывая отснятые ранее кадры. Больше двух сотен снимков — многие из них были сделаны серией, их набралось столько, что из этой пленки можно было смонтировать целый фильм.

Поразительно четкое разрешение экрана позволяло разглядеть даже пушок на лице парня, отчего звездочки в глазах Шэнь Юя вспыхивали всё ярче и ярче.

— Цзян Чжань...

Он подушечками пальцев гладил корпус камеры, от переполнявших его чувств и обожания экран казался горячим.

В тот самый момент, когда он уже собирался перекинуть фотографии, произошло неожиданное.

Телефон издал короткий динь.

Шэнь Юй нахмурил красивые брови. Заметив личное сообщение на форуме, он торопливо смахнул блокировку экрана и зашел в приложение. Вся мрачность и недовольство разом испарились, стоило ему увидеть ответ на пост, опубликованный им пару дней назад.

Х: Привет, можно ли обменяться фотографиями Цзян Чжана?

Х: У меня есть эксклюзивные интимные снимки.

<http://bllate.org/book/21862/2268894>